

презираемой частью римской армии и служба в нем, длительная и тяжелая, давала меньше всего выгод и была признаком бесправного, униженного положения тех, кто в него набирался.

Увлкаясь идеализированной Римской империей, в которой они пытаются видеть прообраз США, авторы JRS совершенно не занимаются ранним Римом и почти не уделяют внимание истории Римской республики. Можно указать лишь несколько незначительных статей, посвященных связанным с ней вопросам. В статье Балсона «Sulla Felix» (1951, стр. 1—10) автор старается выяснить, почему Сулла назывался «Счастливым» в Риме и Эпафродитом в Греции, и как эти эпитеты были связаны с его отношением к богам, снам и приметам. Доб в статье «The peregrine praetor» (1951, стр. 66—70) сравнил функции этого претора при республике и при империи; Гендерсон в статье «The process of repetundis» (1951, стр. 71—88) описал ход этого процесса и его последствия для осужденных; наконец, Джонс разбирает в статье «The aerarium and the fiscus» (1950, стр. 22—29) взаимоотношения между фиском провинциальных помещиков и государственным эрарием и доказывает, что эти взаимоотношения в дальнейшем стали основанием для разделения эрария и фиска при империи.

Так выглядит современная английская буржуазная наука о древнем Риме, отраженная на страницах ее ведущего органа. Ее основные черты и их корни достаточно ясны. В бесплодных попытках выработать какую-нибудь теорию, которую они могли бы противопоставить марксизму, буржуазные историки отказались от изучения социальных и экономических вопросов, живо интересовавших историков XIX и начала XX в., и стали на позиции крайнего идеализма. В стремлении оправдать империалистическую агрессию, они восхваляют Римскую империю и ее цивилизацию, объявляя себя ее прямыми наследниками. Но, стоя на этих позициях, они неспособны вскрыть и объяснить до конца какое бы то ни было конкретное историческое явление или событие, так как последовательный его анализ неизбежно привел бы их к тем вопросам экономического развития и классовой борьбы, от которых они хотят отмахнуться. Отсюда откровенная реакционность одних, теоретическая беспомощность и кажущаяся наивность других. Отсюда измельчание интересов, отход от больших общих проблем, интерес к незначительным частным явлениям, увлечение вещеведением, формализм. Все эти черты, характеризующие современную английскую буржуазную историческую науку, находят свое объяснение в том, что «...буржуазия — главный враг освободительного движения, — стала другой, изменилась серьезным образом, стала более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя»¹.

Е. Штаерман

J. CLARK, Prehistoric Europe, The economic basis, London, 1952, IX + 315 стр.

Вопросы экономики древних обществ всегда живо интересовали советских археологов и историков. Этот интерес возрос в последние годы. Поэтому книга Кларка под заглавием «Доисторическая Европа. Экономический базис» не может не заинтересовать нас. Конечно, нельзя ожидать, чтобы автор вкладывал в термин «экономический базис» марксистское содержание — совокупность производственных отношений людей. Он, разумеется, понимает под термином «экономический базис» только характер хозяйственной деятельности и изменений этой деятельности во времени в зависимости от роста техники и перемен в географических условиях. Таких вопросов, как форма собственности и отношения между людьми в зависимости от этой

¹ И. В. Сталин, Речь на XIX съезде партии, Госполитиздат, 1952, стр. 11.

формы, Кларк совершенно не касается. Интерес для советских ученых имеет главным образом привлеченный Кларком обширный фактический материал, который он искусно использует для выводов о различных типах хозяйства в разных областях Западной Европы — от конечной фазы верхнего палеолита до начала железного века.

Положительной стороной рецензируемой книги является отсутствие многочисленных сугубо реакционных теорий и теориек, которые так широко распространены в буржуазной археологии; в книге Кларка нет отзвучков пресловутой расовой теории, теории завоеваний, агностицизма и т. д.

Не со всеми выводами Кларка можно согласиться. Иногда он сильно модернизирует явления и допускает ряд ошибок, главным образом вследствие незнания с советским археологическим материалом. В качестве примера можно привести его решительное утверждение, что охота на белух не производилась ни в неолите, ни в бронзовую эпоху; между тем такая охота изображена на наскальных рисунках Карелии в устье р. Выга, относящихся к концу III — началу II тысячелетий до н. э.

Наряду с этим рецензируемая книга содержит довольно много новых, вполне обоснованных заключений, свидетельствующих о тщательной обработке западноевропейского археологического материала. Так, например, на основании детального изучения костного материала автор убедительно доказывает, что обитатели пещер Франции в мадленскую эпоху занимали эти пещеры только с сентября по май. Основанием для этого служит почти полное отсутствие в этих пещерах рогов, сброшенных самцами оленями и массовое наличие таких рогов на открытых стоянках, большое количество костей лосося на открытых стоянках и отсутствие их в пещерах и т. д. На основании остеологических исследований Кларк устанавливает характер морской охоты у жителей Скандинавии и Англии. Значительный интерес представляет установленный автором факт широкого распространения с неолита капканов. Подобные аналитические выводы, несомненно, могут послужить ценным материалом при характеристике экономики западноевропейского населения в неолитическую и бронзовую эпохи.

Кларк широко использует этнографический, фольклорный и отчасти письменный материал, но избегает брать его из мест, отдаленных от области исследуемых им явлений. Свой взгляд на закономерность сопоставления археологических и этнографических фактов он обосновал в статье «Народная культура и изучение европейской доистории»¹. «Современные дикари,— писал он,— имеют такую же долгую историю, как и самые высокоцивилизованные народы, но эта история не написана. Невероятно, чтобы даже дикое общество сохранило свою культуру существенно неизменной за огромный период времени, прошедший с нижнего палеолита. Они должны были испытать перемены в их природном окружении, и — что существеннее,— они должны были испытать влияние, прямое или косвенное, со стороны возникавших и распространявшихся групп, стоявших на прогрессивно более высоких ступенях культурной эволюции. Прimitивный человек, в точном смысле этого слова, жил в отдаленном прошлом и может изучаться непосредственно только доисторической археологией. Необходима величайшая осторожность в использовании данных о современных дикарях при реконструкции примитивной дикости» (стр. 52).

Поэтому он считает возможным проводить параллели только между обществами, жившими и живущими в одних и тех же природных условиях и имеющими однородное хозяйство. Чем ближе к нам время, тем более необходимо, по его мнению, искать территорию, ближайшую к описываемому явлению, так как «с неолита и в некоторой степени с мезолита возможно проследить преемственность поселений вплоть до наших дней» (там же, стр. 55). В ряде случаев ему действительно удается проследить преемственность различных приемов охоты и рыбной ловли, некоторых сторон земледельческой и скотоводческой техники с неолита до средневековья. Но там, где Кларк пытается иногда распространить свой метод на выяснение отношений между людьми в производ-

¹ J. Clark, Folk-Kultur and the study of european prehistory. Aspects of archeology in Britain and beyond. Essays presented to O. D. S. Crawford, London, 1951.

ственном процессе, он неизбежно приходит к недопустимой модернизации, как это случилось с его предшественником в применении такого метода А. Бреггером¹.

Перейдем к рассмотрению содержания книги Кларка. В кратком введении он упрекает западноевропейских археологов в отсутствии целеустремленности и нежелании довести свои исследования до степени исторических трудов, в ограничении тематики по большей части чисто технологическими вопросами. Упрек — вполне справедливый, по который можно отнести и к самому Кларку, так как в данной книге также отсутствует какая-либо история конкретного племени или конкретных племен.

Первая глава целиком посвящена изложению взглядов Кларка на законы и ход развития человеческого общества, причем он применяет здесь моргановскую терминологию — дикость, варварство, цивилизация. Глава эта интересна, как показатель неустойчивой позиции автора в вопросах методологии. Склоняясь к принятой большинством буржуазных авторов, со времен О. Конта, теории приоритета географической среды в смысле ее влияния на развитие человеческого общества, он все же не мог не заметить невозможности объяснить этим фактором неуклонное развитие человеческой культуры.

«Абсурдность этого, — пишет он, — очевидна для каждого, кто наблюдает и классифицирует всевозможные различия в человеческом обществе» (стр. 8), но тут же добавляет, что «было бы ошибочным... преуменьшать значение экологической системы, внутри которой существовали все жизненные силы». Выход из этого противоречия Кларк ищет в неопределенной формуле «взаимосвязи» между окружающей природой, органическим миром (включая человека) и человеческой культурой. Все три фактора должны находиться в равновесии, и нарушение равновесия вызывает изменение всей системы. Причинами нарушения равновесия Кларк считает в первую очередь влияние климатических изменений, затем воздействие более культурных стран и только на третьем месте воздействие человека на природу.

Однако, как мы увидим ниже, фактический материал вынудил Кларка отступить от этой метафизической формулы, как например, в главе о земледелии, и правильно усматривать причину развития общества в трудовой деятельности человека. Сам Кларк этого, конечно, не замечает, считая такие явления лишь одним из случаев «нарушения равновесия».

Не малое влияние оказывает на Кларка модная на Западе теория «диффузии», которая между прочим широко используется Г. Чайльдом, в частности в переведенной на русский язык его книге². Распространение культуры шло, согласно этой теории, из древнейших очагов цивилизации последовательными волнами в северо-западном направлении. Эта теория объясняет многие явления культурного развития племен и народностей древней Европы заимствованиями с Востока, преимущественно пассивными и в большой степени зависящими от торговли.

Кларк и здесь пытается искать основной фактор в географической среде, сграницивавшей возможности этой диффузии. В связи с этим он делит Европу на четыре зоны: северную, безлесную (приполярную тундру и приледниковые части Скандинавии, Альп и Пиренеев), северную зону хвойных лесов и, наконец, зону вечно зеленых лесов. Арктика допускала, по его мнению, только «дикость»; приледниковые области — кочевое оленеводство; северная часть хвойных лесов ограничивала возможности скотоводства; только на Юге он допускает земледелие (стр. 15—17).

Эта глава чрезвычайно ярко характеризует тщетные попытки некоторых из западноевропейских археологов выйти из тупика, в который зашла буржуазная археология (и история). Но, поскольку они ищут этого выхода все в тех же рамках немарксистских, идеалистических или вульгарно-материалистических теорий о развитии

¹ С. А. W. B r e g g e r, Kulturgeschichte des norwegischen Altertums, Oslo, 1926.

² Г. Ч а й л д, У истоков европейской цивилизации, М., 1952. См. развернутую критику этой теории в предисловии А. Монгайта к книге Чайльда.

общества, такого рода попытки приводят только к бесплодным формулам, вроде формулы Г. Кларка.

Остальные главы посвящены истории хозяйства древнего общества: охоте во внутренних частях страны и на морском побережье, земледелию и скотоводству, домостроительству и поселениям, технологии камня, бронзы и железа, гончарному делу, обработке дерева, кож и мехов, кости, плетению, тканью, окраске. Большая глава посвящена вопросу о торговле; в заключительной главе рассматриваются транспортные средства.

Не все главы равноценны. Главы об охоте содержат много общеизвестных фактов. Однако свodka данных, почерпнутых из новой западноевропейской археологической литературы, и тщательный анализ этих данных позволили автору сделать ряд ценных выводов относительно древних способов охоты и рыбной ловли, их значения в экономике и различия между этими способами в зависимости от разных географических условий.

В главе о земледелии Кларк, как я уже говорил, часто отступает от положения о приоритете географического фактора, обращая большое внимание на трудовую деятельность человека и на ее влияние на изменения в культуре. Эти страницы наиболее интересны. Кларк приводит ряд фактов, показывающих, как переложное и подсечное земледелие влияло на создание участков безлесных пространств, и какую значительную роль это сыграло впоследствии по отношению к скотоводству, поскольку ввиду отсутствия степей и наличия первобытных лесов Западная Европа знала только придомное скотоводство.

Интересны данные, показывающие, что с наступлением влажного субатлантического периода в начале I тысячелетия до н. э. произошел переход от легких на тяжелые почвы, от одного типа сохи к другому, от многократной пропашки, направленной к задержанию влаги, к пропашке, имевшей целью дренировать землю.

По меньшей мере спорно утверждение, исходящее из теории диффузии, что сельскохозяйственная техника, которая распространилась в умеренной зоне Европы, носила в своей основе средиземноморский характер. Различие в типе яремной упряжки быков на древнем Востоке и в доисторической Европе позволяет в этом сомневаться.

В главе о скотоводстве, в частности, излагается гипотеза о причинах изменения состава стада, которое произошло в Западной Европе при переходе от неолита к бронзе: в неолите преобладали бык и свинья, в бронзовую эпоху — овца и коза. Кларк объясняет это «экологическим» фактором. «Состав стада должен рассматриваться,— заключает Кларк,— в свете современной ему растительности, и объяснения изменения пропорции между различными животными надо искать в первую очередь в изменении растительной экологии» (стр. 119). Но описывая влияние этих изменений на характер скотоводства, Кларк невольно вынужден все время связывать их в конце концов с деятельностью человека, тем самым опровергая выставленный им самим принцип приоритета природной среды.

«Если сравнительно меньшую роль овцеводства,— пишет он,—...надо связывать с общим преобладанием леса во времена неолитических поселений, то естественно предположить, что последующее возрастание этой роли должно было быть следствием уменьшения лесов. Вряд ли надо подчеркивать, что это должно было быть неизбежным следствием прогресса земледелия».

В качестве примера этому Кларк указывает, что в центральной Ютландии, как это установлено пыльцевым анализом, с началом земледелия («во время колонизации народом боевых топоров») образовались отдельные участки степи — результат вырубки лесов. Приведенная им при этом диаграмма прекрасно иллюстрирует это: входящая линия древесных резко обрывается в это время, тогда как линия травянистых так же резко возрастает. Дальше Кларк показывает, как рост густоты поселений заставлял лес исчезать, а количество безлесных пространств увеличиваться; как в бронзовом веке система переложного земледелия уступила место оседлому земледелию с постоянными полями. «Это создавало условия, благоприятные для увеличения числа овец», заканчивает он (стр. 120).

Так, начав с утверждения присритета природной среды в его тройственной «экологической» системе, Кларк силою фактов вынужден был при конкретном изложении событий выдвинуть на первый план трудовую деятельность людей, изменявших эту природную среду.

Заслуживают внимания соображения относительно причин слабого роста рогатого скота в северо-западной Европе. Кларк приписывает это условиям примитивного скотоводства и трудностям заготовки кормов на зиму. Очень показательны в этом отношении данные анализа костных остатков из раскопок в Скара Брей: три пятых костей коров принадлежали телятам до шести месяцев от роду и только одна пятая взрослым животным, что надо, повидному, объяснять массовой гибелью молодняка из-за недостатка корма (стр. 125).

Первые признаки стойлового содержания скота в Западной Европе относятся, по Кларку, только к ранне-железному веку. Если здесь нет ошибки, то это особенно интересно потому, что у племен андроповской культуры в западном Казахстане стойловое содержание скота, вероятно на зиму, было известно уже в конце II или начале I тысячелетия до н. э.¹

В шестой главе, посвященной поселениям и в значительной мере носящей описательный характер, Кларк снова колеблется в выборе основного фактора, влиявшего на характер построек и поселений древнего общества. С одной стороны, он говорит, что надо уделять больше внимания топографии местности, характеру почвы и подпочвы, наличию воды, климатическим условиям, господствующим ветрам и, наконец, наличествующим строительным материалам. С другой стороны, он заключает эти наставления словами: «географические факторы могли влиять на выбор места под жилье и поселение, но этот выбор в основном был обусловлен экономическими и общественными пуждами человеческой общины и культурными традициями, которые могли сложиться в совершенно иной географической среде» (стр. 131).

Седьмая глава, посвященная вопросам технологии, содержит интересный абзац, который характеризует взгляды автора на процесс развития первобытного общества, и одновременно является типичным примером блуждания в дебрях квазинаучных терминов. «Если мы хотим,— пишет Кларк,— составить ясное представление об экономической жизни в доисторические времена, то необходимо пристально присмотреться к технологии, так как посредством ее древний человек налаживал свое отношение ко внешней среде и таким образом видоизменял ход своей жизни... ранние европейцы своими собственными руками вытягивали себя из первобытной трясины дикости, преодолевали длинные, волнующиеся лужи варварства и, в конце концов, достигли некоторого рода цивилизованного состояния. Многие из материальных предметов, которые составляют главные археологические документы, были теми средствами, при помощи которых доисторический человек удлинял свои члены в борьбе за удовлетворение своих нужд. Они были одновременно орудиями труда и продуктами его рук. Через них ранний человек передавал сумму своих технических знаний и приводил эти знания в соответствие с природным окружением и биомой экосистемы, часть которой он составлял» (стр. 171). Если устранить ни на чем не основанный биологизм и термины «биом» и «экосистема», то в основе мы получим вполне правильный вывод, к которому Кларк все время приближается, не решаясь высказать его и не смея выйти из окружающей его буржуазной «экосистемы». Если бы Кларк не приводил свою книгу в соответствие со своим собственным окружением, а, подобно первобытному человеку, вытягивал бы себя из буржуазной трясины, то он попросту сказал бы, что труд был тем фактором, который вывел человеческое общество из первобытного состояния, и что это общество не приводило своих технических знаний в соответствие с природной средой, а использовало их в борьбе с природой, за овладение ею.

Одной из основных ошибок Г. Кларка является преувеличение им значения сил природы. Даже первобытный человек не только приспособлялся к природе, но и овла-

¹ О. А. Г р а к о в а, Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, вып. XVII, 1947, стр. 91 сл.

девал ее силами. Первобытный человек опытным путем дошел до превращения механического трения в тепло (добывание огня при помощи трения), до использования законов инерции (лук и стрелы), до изобретения сложных возвращающихся бумерангов, до культивации растений и одомашнения животных, до плавки металлических руд и их сплавов и т. д. С каждым таким открытием он овладевал силами природы, а не приспособлялся к ней. Кларк и сам в других местах приводит многочисленные примеры этого, но неправильные методологические установки мешают ему сделать правильный вывод.

Интересны подробные описания шахт и мест разработки камня (Хеснерсхольм в Норвегии, где добывался гринштейн, кремневые шахты в Спьеене во Франции и Граймс Гревс в Англии), особенностей обработки камня на месте его добычи, специализации типа продукции в зависимости от свойств материала. Но впечатление портится применением неуместной терминологии, как, например: «эти шахты были центрами обработки кремня, поставленной на коммерческую ногу» (стр. 180).

Вопроса о происхождении металлургии Кларк почти не касается, отмечая только, что она возникла на Востоке и распространилась в Европе только тогда, когда население там уже перешло к земледелию (стр. 183). Как и в других случаях, он утверждает, что ранние металлурги Европы зависели от ограниченных залежей самородной меди (приоритет природы). Но сам же он указывает далее, что места находок литейных форм разбросаны равномерно по всей Западной Европе, и предполагает, что литейщики в большинстве случаев работали на привозим металле, а следовательно, не зависели от мест его залежей.

Пытаясь выяснить положение различных групп населения, Кларк обнаруживает совершенное непонимание характера первобытно-общинного строя и представляет его себе как некоторое подобие буржуазного общества, что весьма типично для буржуазного археолога. Правда, он не говорит, как Н. Оберг, о существовании господствующих классов, но все же не может представить себе, чтобы когда бы то ни было могло отсутствовать имущественное неравенство. Так, он противопоставляет друг другу шахтеров и литейщиков, считая, что по характеру их работы первые находились в худшем положении, чем вторые. Этот вывод он делает на основании сопоставления остатков «бедных» хижин вблизи одной из меднорудных шахт в юго-восточной Испании (раскопки братьев Сирэ) и «богатого» поселения Эль-Аргар (стр. 197). Между тем невозможно сказать полную синхронность того и другого памятника; кроме того даже при полной синхронности и там, и тут могли работать одни и те же люди в разное время года.

Еще более нелепо Кларк начинает выяснять категории «рабочих», разрабатывавших медные рудники в Миттерберге, соображаясь с современной техникой: у него получается, что на этих рудниках должны были работать шахтеры, плотники, рудокопы, плавильщики, рабочие по выпоске руды и даже надсмотрщики и «охрана». Недостаёт только директоров акционерной компании.

Раздел о выплавке железа очень короток и не даёт ничего нового. Некоторый интерес имеет только замечание относительно влияния углежжения на ускорение уничтожения первобытных лесов; обстоятельство, на которое до сих пор не обращалось внимания.

Дальнейшие главы об обработке глины, дерева, кости и т. д. не представляют интереса, кроме того Кларк допустил здесь ряд ошибок. Так, например, неверно утверждение, что «жители стоянок Олгерманланда и Ромесдала могут претендовать на право считаться пионерами в применении асбеста, который они примешивали к глине для изготовления своих сосудов» (стр. 205). Роговообмазочный асбест в огромном количестве применялся в качестве примеси к глиняному керамическому тесту в Карелии по крайней мере с середины II тысячелетия до н. э., а во второй половине этого тысячелетия «асбестовая» керамика обычна для Карелии и Финляндии. И если даже советский археологический материал остался для Кларка неизвестным, то археологические материалы Финляндии он привлекает во многих местах своей книги. Описание обработки дерева написано Кларком слабо и бледно. Кларк, конечно, не знает заме-

чательных изделий из торфяниковых стоянок Прибалтики, севера европейской части СССР и западного Зауралья.

Буржуазная сущность взглядов автора наиболее ярко выражена в главе о «торговле», занимающей целых 40 страниц. Уже в самом начале, указывая на большое количество разных пород привозного камня в различных местах и закономерно заключая из этого о существовании достаточно широкого обмена, Кларк рисует совершенно фантастические картины. Этот обмен представляется ему прежде всего как какая-то купля-продажа, как сделка между индивидуальными торговцами и покупателями.

«Встает вопрос, — пишет он, — каким образом эти предметы распределялись? Происходило ли это, как в центральной Австралии, путем посещения залежей и рудников представителями общин, нуждавшихся в пополнении их запасов? В каких размерах эта торговля производилась? ...Насколько эта торговля находилась в руках торговцев, которые извлекали средства к жизни путем этой деятельности, страствуя по стране и доставляя вещи прямо потребителю?»

Как будет показано далее, мало сомнения в том, что торговля топорами была организована торговцами, поскольку она распространялась на зону хвойных лесов, на территорию, занятую охотниками и рыболовами. Эти торговцы содержали торговые пункты далеко за пределами своей родины» (стр. 249 сл.).

Кларк даже не задает себе вопроса, могли ли существовать «фактории» чужого племени на территории других племен; он не может представить, что воображаемые им «торговцы» никакой выгоды от своей деятельности получить не могли. Но Кларк идет еще далее. Указав на то, что желобчатые каменные долота, топоры и узкие тесла из южноскандинавского кремня были найдены на всей территории северных скандинавских охотническо-рыболовецких племен, он пишет: «распространение на север торговли, очевидно, было делом боевых топоров шведского народа, который контролировал источники кремня на Шонене». И далее: «...наиболее интересно наблюдение, что $\frac{9}{10}$ кремневых топоров представляют собою тесла, похожие на каменные тесла, составляющие непрменный элемент приполярной культурной зоны. Очевидно, что народ боевых топоров находил более легким создавать рынок кремневых орудий путем воспроизводства форм, уже привычных для туземцев северных территорий. Действительно, мало может быть сомнений в том, что кремневые тесла выделялись специально для арктического рынка» (стр. 252).

Кларк не первый и, вероятно, не последний из буржуазных археологов рисует фантастическую картину первобытных племен, выделяющих специальные товары для сбыта их более отсталым племенам. Уже 50 лет тому назад подобное предположение было высмеяно М. Мухом. Буржуазная археология идет не вперед, а назад, и преодоление ее традиций, повидимому, не по силам Г. Кларку.

Но если выбросить подобыные немногочисленные попытки автора приписать первобытным племенам развитые товарные отношения, то в главе о «торговле» найдется довольно много интересного и достаточно ценного. Им привлечен большой археологический материал, показывающий, что уже в неолитическую эпоху обмен достигал действительно относительно больших размеров. Пластины из кремневых залежей в Гран-Прессиньи, легко отличимые по сорту кремня и по их специфической форме были найдены в Морбигане, районе Парижа, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Англии. Хорошо прослежено распространение изделий из южноскандинавского кремня и некоторых других характерных пород камня. Все это иллюстрировано большим количеством карт.

Специальный интерес представляет сводка данных о находках на неолитических стоянках керамики, чуждой для культуры этих стоянок. Очень мало отвел места автор вопросу об обмене бронзовыми изделиями, и это является одним из крупных недостатков книги. Большое недоумение вызывает раздел, посвященный обмену янтарем (стр. 261—263). Кларк почему-то считается только с ютландским янтарным центром. Он только вскользь упоминает о восточнобалтийском (калининградском) янтаре, хотя именно этому янтарному центру и распространению этого янтара посвящены большие работы (Клебе, Бреггер и др.). Между тем изделия из восточнобалтийского

янтаря доходили до Англии и вызывали там подражания. Качественный характер первобытного обмена остался вне поля зрения Кларка, несомненно, потому, что он вполне удовлетворен своим представлением о нем, как о почти полной аналогии капиталистической торговле.

Последняя глава о передвижениях и транспорте имеет компилятивный характер и ограничена описаниями различных находок.

Книга Кларка чрезвычайно показательна. Мы имеем перед собою археолога, хорошо владеющего материалом и стремящегося перешагнуть рутинный барьер голого вещеведческого анализа, который господствует в буржуазной археологии, пытающегося широко поставить вопросы, создать, как он сам говорит, историю первобытного общества. Но шоры буржуазного антиисторического представления о первобытном обществе, как об обществе, аналогичном капиталистическому, только обладающем неизмеримо более низкой техникой, закрывают Кларку исторический горизонт. Он силен там, где касается частных вопросов хозяйственной деятельности древнего общества, или, точнее, древнего человека, так как он все время имеет в виду индивидуальный, а не общественный труд. Он совершенно беспомощен там, где пытается выяснить общественные отношения между людьми, так как подходит к ним с меркой современного капиталистического общества.

Труд Кларка еще раз подчеркивает, что даже, повидимому, прогрессивный буржуазный ученый, владеющий большим количеством фактического материала и стремящийся добросовестно его интерпретировать, оказывается не в состоянии разрешить основные проблемы истории доклассового общества и принужден останавливаться у порога этой истории, не в силах перешагнуть его.

А. Брюсов

H. BENTSON, Einführung in die alte Geschichte. München, 1949, 185 стр.

Рецензируемая книга относится к распространенному типу пособий, целью которых является ввести читателя в общий круг вопросов древней истории, дать представление о ее источниках и о разработке отдельных проблем. Книга Бенгтсона в некоторой степени должна служить продолжением известной работы «*Einleitung in die Altertumswissenschaft*» под редакцией Герке и Нордена. Бенгтсон, начавший свою научную деятельность в гитлеровское время, рассматривается теперь в Западной Германии как один из ведущих историков античности и как преемник Э. Корнемана. В частности, Бенгтсон редактировал посмертно изданный труд Э. Корнемана «*Weltgeschichte des Mittelmeerraumes von Philipp II von Makedonien bis Muhammed*». Он же является автором вышедшей в 1951 г. «*Griechische Geschichte*»¹ и ряда других появившихся за последнее время трудов.

Рецензируемая книга состоит из восьми небольших глав, к каждой из них приложена библиография. В конце книги дан указатель наиболее важных, по мнению автора, трудов по всем разделам древней истории. В первой главе дается определение территориальных и хронологических рамок древней истории. Вторая глава представляет собой историографический очерк, охватывающий развитие науки от Возрождения до наших дней. В третьей главе излагаются вопросы хронологии, географии, антропологии, на которых, по мнению автора, покоится история, как научная дисциплина. В двух дальнейших главах дается классификация и краткая характеристика важнейших источников для стран Переднего Востока и Средиземноморья. Шестая глава содержит сведения о вспомогательных дисциплинах: эпиграфике, папирологии, пумизматике. В седьмой главе характеризуются смежные науки, прежде всего классическая филология. Наконец, в последней главе указаны основные справочники и периодические издания по древней истории.

¹ Рецензии на эти две книги см. в ВДИ, 1952, № 4 и 1953, № 1.